

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИАХРОНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УМЛАУТА В ДРЕВНИХ СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКАХ

Историческое развитие германских языков отражает особенности эволюции всей индоевропейской языковой системы. Теоретический и эмпирический подход к рассмотрению многих явлений, протекающих в германских языках, позволяет говорить о многообразии, взаимопроникновении, а также о специфических индивидуальных особенностях, которые характерны как всем индоевропейским языкам, так и отдельным ветвям и их группам. Германские языки выступают в этом отношении основным связующим звеном многих языковых модификаций и инноваций. Следует также отметить, что именно для германских языков было характерно большинство инноваций в области вокализма. Сравнительно-исторический метод в этом отношении признан универсальным методом лингвистического анализа в истории языкового развития. Но в то же самое время исследования языковых преобразований в системе германского вокализма не должны ограничиваться лишь сравнительно-историческим или дескриптивным подходом.

Такое явление, как умлаут в германских языках, должно рассматриваться на современном этапе лингвистического исследования в рамках морфонологии, которая тесным образом связана как с фонологическим уровнем в структуре языка, так и с морфологическим. Интерпретация данного феномена в древних скандинавских языках прослеживает как общие черты, свойственные всем германским языкам (за исключением готского языка), так и специфические, которые наблюдаются в древнескандинавских (др.-сканд.) языках и которые, в свою очередь, нехарактерны для западногерманских языков. В самих же др.-сканд. языках существуют отличительные особенности, которые в той или иной степени способствуют распространению или устранению умлаута, выступающего в роли категориального маркера грамматического значения.

Известно, что др.-сканд. языки (древненорвежский, древнеисландский, древнедатский и древнешведский) начинают самостоятельно развиваться с момента распада общескандинавского (протоскандинавского) языка. Общескандинавский язык, в свою очередь, выделился из общегерманского (протогерманского) языка и охватывает приблизительно период с I по X век. Др.-сканд. язык, который был зафиксирован на письме руническими надписями, проходит два этапа своего развития: во-первых, с распространением "старших" рун, т.е. алфавита, которым были написаны исторические памятники (надписи) др.-сканд. языка до середины VIII века, состоя-

щего из 24 знаков (рун); во-вторых, “младшие” руны, т.е. др.-сканд. алфавит, получивший распространение с середины IX века, состоящего из 16 знаков (рун). Основное различие между двумя типами рунических надписей заключается в том, что младший рунический алфавит менее совершенно передаёт гласные фонемы, чем алфавит, написанный старшими рунами. Вследствие этого невозможно провести чёткое различие между фонемами /a/, /æ/, /e/, /o/, обозначаемыми одной руной, как и фонемы /u/, /y/, /ø/ и др. Старший же рунический алфавит вообще не содержит умлаутированные гласные /æ/, /e/, /y/, /ø/, что, в свою очередь, указывает на отсутствие умлаута как ассимилятивного явления, возникшего под влиянием последующего безударного гласного.

Утверждение же М.И. Стеблина-Каменского, что умлаутированные гласные существовали в младшем руническом алфавите (норвежско-шведские и датские руны), является спорным. Если же всё-таки умлаутные перегласовки в то время и существовали (IX-X в.), то умлаут мог выступать лишь фонетическим явлением, причём мы не вправе заявлять с уверенностью о существовании новых гласных фонем, возникших под влиянием палатальной перегласовки. Скорее всего, данное явление находилось на пути своего становления. Умлаут мог быть представлен в качестве какой-то одной или нескольких гласных фонем. В др.-сканд. языке можно выделить пять гласных фонем - такие, как /a/, /o/, /u/, /i/, /e/. От них образуются аллофоны /ø/, /æ/, /e/, /oel/, /y/, но не ранее IX-X века, не неся в себе никакую функцию.

Почему произошло упрощение алфавита вместе с развитием аллофонического состава фонем, остаётся неясным. Есть попытки объяснить это упрощение стремлением приноровить алфавит к новым фонологическим соотношениям. Что касается неразличения перегласованных/ неперегласованных заднеязычных гласных, то оно, очевидно, объясняется тем, что перегласованные гласные ещё не фонематизировались (Стеблин-Каменский 1953: 39).

Другая важная причина сомнений по поводу умлаута в протоскандинавском языке заключается в отсутствии письменных памятников, которые могли бы подтвердить или опровергнуть палатальную перегласовку. Это касается также и древних скандинавских языков в период их начального раздельного существования.

Древнейшие из сохранившихся норвежских и исландских рукописей относятся только ко второй половине XII века [отрывки житий, земельных инвентарий и собраний законов], шведская - к середине XIII в. [отрывок “Вестьёнского права”], а датская - к концу XIII в. [руническая рукопись “Сконского права”] (Стеблин-Каменский 1953: 42). В результате применения латинского алфавита для письма на родном языке в Скандинавии складываются формы письменного

языка: древненорвежского, древнеисландского, древнешведского, древнедатского.

Наиболее распространённым типом умлаута в германских языках был умлаут на /i/, т.е. частичная регрессивная ассимиляция заднеязычных гласных /a/, /o/, /u/. Результатом такой ассимиляции являлось превращение заднеязычных гласных в гласные переднего ряда. Скандинавский умлаут на /i/ иллюстрируется преимущественно древнеисландским (др.-исл.) материалом, хотя он встречается и в др.-норв., др.-шв., др.-дат. языках, но уже в более поздний период. Для др.-исл. языка, как и для всех германских языков, было характерно ударение, падающее на первый слог. Безударными были падежные и личные окончания. Неизвестно, сопровождалось ли силовое ударение движением тона, т.е. было ли в др.-исл. языке музыкальное ударение (как в норвежском или шведском языках). Редукция конечных гласных привела к существенным изменениям в области морфологии. Древнеисландский язык проявляет в этом отношении довольно устойчивую тенденцию. Редукция конечных гласных, таким образом, способствовала фонематизации и, следовательно, морфонологизации умлаута.

Будучи средоточием именно грамматических значений, конец слова оказывается чрезвычайно отзывчивым на всевозможные морфологические трансформации, при этом постоянно приходится считаться с тем обстоятельством, что направление развития фонетических и морфологических тенденций может не совпадать, и тогда конец слова становится фокусом перекрещивающихся линий развития фонетического и морфологического строя (Макаев 1962: 291).

Отличная позиция относительно редукции конечного гласного, связанного с изменениями в корневом слоге, принадлежит А. Коку, который попытался объяснить действие /i/-умлаута в скандинавских языках, соотнеся его с тремя периодами: в течение первого периода безударное /i/ отпадало после долгого слога и вызывало перегласовку корневого гласного [*domidō > dōmda]; в течение второго периода /i/ отпадало после краткого слога, не вызывая перегласовки [*talidā > talʔa]; в течение третьего периода оставшееся /i/ вызывало перегласовку и в кратком, и в долгом слоге [*sunir > synir] (Kock 1916: 41-42).

Б. Хессельман выдвинул другую теорию. Согласно этой теории, перегласовка на /i/ проходила в скандинавских языках непрерывно, но непосредственно перед отпадением /i/ в окончании краткосложных слов имел якобы место переход /i/ > /e/, в результате которого в краткосложных словах перегласовка на /i/ перешла в перегласовку на /e/ [т.е. *gastiR > *ga(i)stiR > *ga(i)stR > gestr, но *stadiR > *sta(i)diR > *sta(i)deR > *stadr] (цит. по: М.И. Стеблин-Каменский, 1953: 42-43).

Однако ни первая, ни вторая теории умлаута не объясняют действительной причины языковых модификаций, а именно - палатальной перегласовки в др.-исл. gestr (< *gastiR - в рун. надписи IV в.),

дш. *gæster*, с одной стороны, и отсутствие таковой, например, в др.исл. *staðr* (< *stadiR), с другой стороны. Попытки объяснить данный феномен велись в разных направлениях. Г. Пенцель попытался интерпретировать отсутствие /i/ - умлаута в прет. *valfa* (< *walido) в рамках структурной фонологии, согласно которой скандинавский /i/-умлаут - двусторонний процесс: фонетический и фонологический. Возникает вопрос: если фонетический умлаут имел место как в *walidǫ, так и в *domidǫ, то почему фонологический (фонемный) умлаут отсутствует из-за синкопирования /i/ уже в *walidǫ, но при этом сохраняется в *domidǫ > *dǫmda*? По данному поводу Г. Пенцель замечает: "Во время фонетического периода действия /i/-умлаута исчезновение /i/ привело к обратному умлауту (Rückumlaut), ... Лишь настойчивость качественного умлаута, несмотря на исчезновение /i/ в словах с долгими гласными, ... привела к фонемному завершению умлаута как исторического процесса" (Penzel 1951: 12).

Тем не менее, и здесь нет причинного объяснения умлаутных альтернатив в одних формах и их отсутствие в других примерах.

Представители генеративной фонологии продолжили исследование по данной проблематике и попытались выработать возможность нового подхода к решению поставленных задач. Р. Кинг представил скандинавский феномен в рамках исторического процесса, выработав три основных правила (King, 1971: 5,11,13):

I). /i/-умлаут после долгих гласных /*domja*, *domiʝa*/ > *dǫmja*, *dǫmiʝa*.

II). Правило редукции после долгих гласных, т.е. *dǫma*, *dǫmʝa* от *dǫmja*, *dǫmiʝa* и /*talja*, *taliʝa*/ > *telja*, *teliʝa* (правило I.) > [*telja*, *teliʝa*] (с правилом II. - неприменимо).

III). Правило редукции после кратких гласных. Если это правило находится в последовательности после правила I., то тогда оно производит неправильные формы, т.е. /*taliʝa*/ > *teliʝa* (правило I.) > **[teliʝa]*. На самом деле данное правило стоит в позиции перед правилом I., т.е. /*taliʝa*/ > *talʝa* (правило III.) > [*talʝa*] (по правилу I. - неприменимо).

Все перечисленные теории, хотя в значительной степени и отличаются друг от друга, тем не менее, имеют общие черты и особенности. Не совсем понятным остаётся тот факт, что все лингвисты (А.Кок, Р.Кинг, Г. Пенцель) представляют данный феномен в претерите слабых глаголов в качестве обратного умлаута. С другой стороны, они трактуют отсутствие палатальной перегласовки лишь в кратких слогах. Остаётся непонятным, считается ли альтернатива /e/ - /a/ чередованием по умлауту или же данное чередование, наоборот, устраняет умлаут, поскольку отсутствует морфологическая значи-

мость альтернатив, потому что грамматическая функция принадлежит флексии.

На самом деле никакого "обратного" умлаута не существует. Уже во времена Я. Гримма по этому поводу высказывалось сомнение. Всё это наводит на мысль о том, что все теории, представленные данными лингвистами, как и последние работы (Grønvik 1982; Benediktsson 1982; Wurzel 1984; Kaleta 1985; Andersen 1986) в данной области, не объясняют действительные причины проведения / устранения умлаута в северогерманской группе языков. Отсутствуют также попытки вскрытия механизма действия умлаута, ограничиваясь лишь интерпретацией его в рамках "естественной" фонологии и морфологии (Dressler, Wurzel, 1987).

Хотя определённые исследования ведутся и в данном направлении (рассмотрение явлений умлаута в морфонологическом аспекте), но всё же они ограничиваются преимущественно синхронным подходом, диахронический процесс по существу остаётся за пределами лингвистического анализа. В основе же любого лингвистического исследования, направленного на объяснение причин языковых изменений, должен быть как раз диахронический процесс, не ограничивающийся только рамками "снятой" диахронии. Поэтому было бы целесообразно обратиться к исследованию диахронического морфонологического процесса и выработать основы процессуальной реконструкции как данного морфонологического процесса, так и тесным образом связанных с ним отдельных языковых явлений.

Но прежде всего необходимо выяснить саму сущность процесса в языке. Языковой процесс есть не что иное, как поступательное движение определённых языковых систем, это акт взаимодействия различных систем на различных языковых уровнях. Процесс в языке всегда непрерывен и во многом непредсказуем: он имеет начало, но не ограничивается определёнными временными рамками. Говорить о дискретности языкового процесса мы вправе лишь в том случае, если хотим выяснить определённое состояние какого-либо явления в данный момент. Процесс при этом продолжается и не может быть ограничен или завершён вследствие возникновения или устранения какого-то феномена, который, казалось, превращает, модифицирует или вообще устраняет языковые явления, превращая таким образом систему языка в совершенно отличную от той, что существовала ранее. В данном случае происходит саморазвитие языковой системы по восходящей линии: одна система проходит путь становления и утверждения, развития и перехода в другую систему, и так до бесконечности.

Языковой процесс существует постольку, поскольку существует само развитие. Это развитие есть диахроническое развитие, которое может быть определено как сам процесс существования определённых языковых систем. Без развития языковой системы мы не вправе говорить о диахроническом процессе, а также - о процессе языковом

в целом. Но если диахронический процесс существует и влияет на развитие системы, то, следовательно, он и определяет эту систему. Очевидно, что вне этого процесса не может быть и системы. Однако обращение только к языковой системе как субкомпоненту диахронического процесса явно недостаточно. Основной недостаток при исследовании лингвистами многих явлений (в том числе и явлений умлаута) заключается в том, что анализу подвергались многие явления в языке изолированно, т.е. рассматривалась только лишь языковая система (или системы), но без взаимосвязи и влияния на саму систему (системы) диахронического процесса. Но даже, если и рассматривать языковые явления вместе и во взаимосвязи с диахроническим процессом, то это рассмотрение будет крайне односторонне, т.к. при этом не будет учитываться структурный подход, а точнее сказать - межуровневый подход в освещении многих явлений языковой системы, что в конечном итоге не приведёт не только к вскрытию многих инноваций, но также к возможности объяснения причин языковых изменений.

Мы попытаемся здесь сформулировать возможное методическое направление подхода к исследованию причин столь противоречивой реализации явления умлаута в северо- и западногерманском ареале. Основу такого подхода составляет морфонологический анализ явлений умлаута в германских языках. Обращение к морфонологии предполагает интерпретацию этого явления в рамках диахронического морфонологического процесса. Иначе говоря, объяснение умлаута мы видим в соотношении диахронического процесса с языковой системой через морфонологию.

Таким образом, в диахроническом морфонологическом процессе морфонология выступает базисным, цементирующим компонентом между процессом и системой. С вопросом о диахроническом морфонологическом процессе тесным образом связана проблема реконструкции (см.: В.А. Мигачёв, 1991: 76, 102-105, 121-136).

Эта реконструкция (процессуальная реконструкция) базируется как раз на самом диахроническом процессе. Вне данного процесса она не может быть адекватно отражена. Основное упущение многих лингвистов заключается в том, что они снимали вопрос о процессуальной реконструкции диахронического морфонологического процесса, что, в свою очередь, привело к непониманию причин распространения/элиминирования умлаута.

На современном этапе развития диахронического морфонологического процесса можно отметить, что развитие скандинавского /i/-умлаута может быть также интерпретировано как морфонологическая проблема. Реконструировав незафиксированные формы отдельных существительных в др.-исл. языке, можно объяснить причины свёртывания данного явления, например, в ди. *staðr* < *stadiR (пун.). На первый взгляд может показаться, что эта реконструкция Б. Хес-

сельмана правильно отражает становление др.-исл. слова *staðr*: после редукции гласного /i/ умлаут не мог возникнуть как ассимиляторное явление, что и указывает на отсутствие такового в др.-исл. языке. Однако, данная реконструкция синхронно ориентирована. Она предполагает наличие данного существительного в рунах, т.е. *stadiR*, которое было зафиксировано в памятниках, а также - в др.-исл. языке *staðr*, но без умлаута. При этом промежуточная стадия альтернирования гласного в корне явно не учитывается. Если в старших рунах и не было перегласовки на /i/ , а в др.-исл. её тоже не наблюдается, то это не значит, что её вообще не существовало в промежуток между старшими рунами (IV в.) и др.-исл. языком (XIII в.).

Согласно общей теории умлаута, в скандинавских языках палатальной перегласовке подвергались все гласные, способные иметь её по характеру корневого гласного под влиянием последующего безударного. В др.-исл. языке в слове *staðr* умлаут уже прекратил своё действие из-за редукции конечного /i/ в не зафиксированный письменными памятниками период. Другой важной причиной, повлекшей за собой устранение умлаута, явился морфологический фактор, который также способствовал его свёртыванию, т.е. в данном виде умлаут выступал избыточным средством грамматического значения, что и повлекло его утрату, вследствие чего реконструкция данного феномена может быть представлена следующим образом : *staðr* < *stedir < *stadiR (рун.) Внутри морфонологического диахронического процесса можно выделить три слоя /i/-умлаута в др.-исл. языке (как наиболее первом, дошедшем до нас в письменных текстах):

1. Развитие умлаута, являющегося объектом исследования морфонологии, поскольку умлаут выступает маркером грамматического значения (ди.ед.ч. *fadir* - мн.ч. *fedgr*), т.е. наличие умлаута в одних формах по сравнению с его отсутствием в других начинает использоваться в морфонологических целях, а именно - для противопоставления ед. и мн. ч. Об этом указывает также работа Э.А. Макаева и Е.С. Кубряковой (Макаев, Кубрякова 1977: 35).

2. Свёртывание умлаута (ди. ед.ч. *staðr* - мн.ч. *stadir*), который является объектом исследования фономорфологии, поскольку происходит выравнивание парадигматики склонения по ед.ч. существительных.

3. Сохранение умлаута, когда варьирование алломорфов снято, но умлаут проходит по всей парадигматике склонения, т.е. ди. ед.ч. *gestr*- мн.ч. *gestir*. Здесь умлаут является избыточным средством, а, следовательно, в морфонологических целях не используется, так как происходит выравнивание парадигматики склонения, но уже по мн.ч. существительных. Это также фономорфологическая проблема.

Таким образом, первый слой /i/-умлаута входит в состав морфонологического исследования, второй и третий - выводятся за рамки

морфологического анализа, но могут быть подвержены исследованию в фonomорфологических целях.

В заключение хотелось бы отметить, что попытки осмысления данного феномена с точки зрения диахронического морфологического процесса, как и реконструкция самого морфологического процесса, могут быть применены к анализу других типов умлаута в др.-исл., а также и аналогичных явлений в западногерманских языках.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Макаев Э.А. Явления конца слова в германских языках // СГГЯ. -М., 1962. -Т.2. -С. 290-338.
2. Макаев Э.А., Кубрякова Е.С. Диахроническая морфология древних германских языков // Историко-типологическая морфология германских языков. -М.: Наука, 1977. - Т.1. -с. 13-195.
3. Мигачёв В.А. Проблемы диахронической морфологии германских языков. -Белгород, 1991.
4. Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. -М.: Изд-во ин. лит.-ры, 1954.
5. Стеблин-Каменский М.И. Древнеисландский язык. -М.: Изд-во лит.-ры на ин.яз., 1955.
6. Стеблин-Каменский М.И. История скандинавских языков. -М. -Л.: Академия наук, 1953.
7. Стеблин-Каменский М.И. Умлаут в германских языках // СГГЯ. -М., 1962. -Т.2. -С. 141-159.
8. Andersen H. On the noun borg and the so-called a-umlaut. // North-Western European Evolution. -Odense: Univ. press, 1986. -N. 8. -P. 111-128.
9. Antonsen E. The proto-norse vowel system and the younger fupark. // Scandinavian Studies, 1963. -Vol. 35, N. 3, -P. 195-207.
10. Benediktson H. Nordic umlaut and breaking : thirty years of research (1951-1980) // NJofL. - Oslo:Univ., 1982. -N. 5. -P. 1-60.
11. Cercignani F. Early "Umlaut" phenomena in the germanic languages/ // Language. -Baltimore (Md.), 1980. -Vol. 56, -N1. P. 126-132.
12. Dressler W., Wurzel W. ... Leitmotivs in natural morphology. // SLCS. -Amsterdam: Benjamins, 1987. -Vol. 10. -P.168.
13. Grønvik O. The words for "heir", "inheritance" and "funeral feast" in early germanic. - Oslo: Univ., 1982. -P. 25.
14. Kaleta S. Die Rolle des Raumfaktors bei den Reduktions- und Umlauterscheinungen im Nord-und Westgermanischen // Beiträge zur Erforschung der deutschen Sprache. -1985. -N.5. -S. 22-29.
15. King R. Syncope and old Islandic i-umlaut // ANF. -Lund: Univ. Press, 1971. -Bd. 36. -P.1-18.
16. Kock A. Umlaut und Brechung im Altschwedischen. Eine Übersicht. -Lund, 1916. S. 391.

17. Penzel H. Zur Entstehung des i-Umlauts im Nordgermanischen. // ANF. -Lund:Univ.Press, -Bd. 66. -1951. -S. 1-15.
18. Noreen A. Altisländische und altnorwegische Grammatik. -Halle (Saale): Niemeyer, 1923.

В.А. КОШКАРОВ (Белгород)

ЧАСТИЦА ZU В СИСТЕМЕ ЧАСТИЦ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Проблема частиц в современной лингвистике не является новой. В разное время к ней обращались как отечественные, так и зарубежные лингвисты. Разработке данной проблематики посвящены и отдельные статьи, и целые лингвистические исследования. Среди авторов, связанных с этой областью лингвистической науки, следует назвать таких, как М.Д. Бузоева, А.М. Искоз, Н.А. Торопова, У. Брауссе, Г. Хельбиг и др. Предметом исследования работ названных лингвистов были преимущественно частицы немецкого языка, которые, однако, рассматривались и в контексте всей науки о языке.

Но несмотря на столь пристальное внимание отдельных германистов к данному лингвистическому явлению, в современной науке о языке с проблемой частиц связано большое количество спорных вопросов, что свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения частиц различных языков, в частности, немецкого языка, следствием которого была бы разработка универсальных характеристик при описании частиц в рамках общего языкознания. Поэтому в данном случае представляется вполне оправданным движение от изучения отдельной частицы конкретного языка к описанию всей группы подобных слов этого языка; от описания и сравнения частиц отдельных языков - к общей характеристике этого лингвистического явления, что и послужило основанием для определения темы последующего рассуждения.

Предметом рассмотрения настоящей статьи является частица zu в немецком языке. Цель, которая здесь преследуется, заключается в том, чтобы предпринять попытку обозначить круг проблем, связанных с описанием частицы zu в немецком языке, а именно: определить её место, значение и функции в системе немецких частиц и вообще в системе немецкого языка; важным представляется также наметить возможные пути для дальнейшего разрешения имеющихся вопросов.

Прежде чем перейти к представлению самой частицы zu, дадим краткую характеристику частицам вообще. Как уже было отмечено, с частицами связано большое количество дискуссионных вопросов. Анализ имеющейся литературы по данной проблеме позволяет опре-